Отзыв

официального оппонента кандидата богословия, кандидата исторических наук иерея Пржегорлинского Александра Александровича на диссертационное сочинение Михаила Андреевича Вишняка «Арсенитский раскол (1265-1310) в письменном наследии святителя Афанасия I, патриарха Константинопольского (1289-1293; 1303-1309)», представленное на соискание учёной степени кандидата богословия (специальность «греческая христианская литература»)

Исследование проблем, связанных с арсенитской схизмой, является, безусловно, актуальным предприятием. Несмотря на относительное обилие прямых или косвенных источников, свидетельствующих об арсенитах, вся совокупность известной информации так и не привела к созданию цельной картины. Неудовлетворительным остаётся уровень аналитики по основополагающим вопросам, касающимся сути упомянутого движения, мотивации его сторонников. Приходится спросить себя: совокупность и характер сохранившихся источников позволяет ли ожидать чего-то большего? И, собственно говоря, что может стать предпосылкой новизны исследования арсенитского движения – новые источники, новые методы или по-новому поставленные вопросы?

Наконец, самостоятельной актуальностью обладает исследование текстов патриарха Константинопольского Афанасия I; и актуальность эта состоит в акцентировании в его письменном наследии, в том числе, ряда аспектов церковно-государственных отношений. Речь о политической экклесиологии, конкретнее и в том числе, речь о месте патриотизма в церковной проповеди, а также о допустимости использования административного ресурса в борьбе с ересями и расколами. В этих аспектах, я думаю, актуальность работы выходит за рамки научно-эвристические, простираясь до насущных проблем, вызывающих дискуссию в современном нам Российском обществе.

Текст представленной диссертации состоит из Введения, Основной части, Заключения, двух словарей и, наконец, Списка использованной литературы. **Вводная часть** по своей структуре и содержанию соответствует предъявляемым требованиям. Здесь автор запечатлел достойный уровень рефлексии по поводу собственного исследования – актуальности, цели, задач, акцентов, новизны предпринятого исследования, собственных методов. Рассуждая о предпосылках к пониманию сути арсенисткого движения, исследователь «с порога» отвергает устоявшуюся историографическую модель, предполагающую возможным объяснить внутрицерковную борьбу XI-XV вв. как противостояние зилотов и политиков

(С. 10). Действительно, соответствующая модель, имевшая вполне определённую эвристическую ценность, носит, всё же, умозрительно-ограниченный, субъективный характер и нуждается в пересмотре. Констатируя то, что критика этой модели выходит за рамки исследования, диссертант в дальнейшем, всё же, не только акцентировал проблему (впрочем, он не первый), но и 1) выявил условности в применении терминов «зилоты» и «политики» у церковных полемистов и историков средне и поздневизантийского периодов, и, наконец, 2) предпринял экскурс в историю становления сомнительной историографической модели в российской византинистике. В связи с этим признаю похвальным само намерение автора диссертации работать не только с фактами и смыслами, но, и намерение критического испытания самой методологической модели, посредством которой на протяжении десятилетий историки реконструировали более частные детали. Кстати, соответствующие изыскания диссертанта и являются одной из предпосылок новизны рецензируемого исследования. Действительно, в условиях специфичной ограниченности источников, проливающих свет на обстоятельства арсенитской схизмы, у исследователя, пересмотревшего прежние историографические схемы, появляется возможность как-то иначе взглянуть на источники, уже известные.

Здесь же, во Введении, диссертант лишь слегка обозначил историографию вопроса и лишь в той мере, в которой это необходимо для доказательства актуальности заявленной темы. Более подробный и детализированный историографический очерк представлен в Основной части диссертации.

Основная часть работы состоит из четырёх глав, сигментированных, в свою очередь, на параграфы, в каждом из которых рассматриваются проблемы, заявленные во Введении в качестве задач. **В первой главе** Основной части предложен обзор источников, проливающих свет на сохранившееся письменное наследие свт. Афанасия, и, отдельно, обзор источников по арсенитской схизме. Здесь же предпринят достойнейший по эрудиции и аналитике историографический очерк. Следует отметить, что работа с древнегреческими текстами и текстами на современных иностранных языках обеспечила источниковедческую и историографическую экипированность диссертации. Составляя историографический очерк, исследователь опирался на подобные же очерки своих предшественников, прежде всего, А.-М. Толбот и М. Патедакиса. Впрочем, в свете тех задач, которые перед собой поставил диссертант, его обзор не мог не стать самобытным, в чём-то более полным и детализированным. Михаил Андреевич выявил элементы полемики, обозначил признаки

обусловленности и мотиваций предшествующих исследователей. Картина получилась достаточно цельной, в ней оказались запечатленными и условности, и лакуны в наших представлениях об арсенитах. Так ещё раз акцентируется актуальность поставленных вопросов.

Вторая глава, посвящённая обзору церковной деятельности свт. Афанасия, не представляет самостоятельной научной ценности, но, важна в качестве прелюдии к решению последующих задач. Внося некоторые уточнения, касающиеся деятельности Константинопольского патриарха, исследователь, в общем-то, остаётся на уровне догадок относительно мотивов и природы отношений святителя с конкретными представителями эпохи. Не соглашаясь или корректируя гипотезы своих предшественников, диссертант предлагает опять же лишь гипотезы, справедливость которых доказывается с опорой на логику. Соответственно, вторая глава представляется мне не столько реальным исследованием деятельности святителя Афанасия, сколько пропедевтическим историографическим очерком мнений исследователей о природе взаимоотношений Афанасия с современниками. В этой главе исследователь вплотную подходит к констатации необходимости более глубокого изучения текстов святителя Афанасия.

Текст **третьей главы** представляет результаты работы диссертанта с совокупностью введённых в научный оборот текстов св. Афанасия, в которых так или иначе, прямо или косвенно упомянута проблема арсенитской схизмы. На этом этапе ещё не приходится говорить об углубленном анализе афанасиевых текстов. Задача здесь другая, а именно, уточнение датировки, выявление контекста и следов именно антиарсенитской полемики. Таковая исагогика, этакая вводная прелюдия, обеспечивает удачную компоновку материала и является предпосылкой к дальнейшему пониманию смыслов.

Отмечу достойный и основательный разбор Михаилом Андреевичем текста ряда посланий, обеспечивающий уточнение, а порой новую датировку афанасиевых посланий. Исследователь кропотливо собирает и сопоставляет с текстами совокупность аргументов за и против той или иной датировки, вступает в полемику со своими предшественниками. Для этого приходится уточнять смыслы древнегреческого текста, отнюдь не лежащие на поверхности. Приходится соотносить эти смыслы с историческими обстоятельствами, с литургической практикой, с текстами афанасиевых современников.

Интерес здесь представляют и изыскания относительно лексики афанасиевых антиарсенитских текстов, в частности, эпитетов, прилагаемых

святителем к арсенитам. Как видно, соответствующий терминологический экскурс не только прорисовывает образ схизматика, каким он был в восприятии современников, но, позволяет нечто предполагать о практике и действительном состоянии умов самих арсенитов.

В четвёртой главе представлены результаты внимательного прочтения диссертантом писем св. Афанасия. Прежними исследователями уже был намечен спектр суждений относительно движущих сил, мотивов и прочих аспектов, которыми руководствовались противоборствующие стороны (христологический, экклесиологический, сотериологический, политический, социальный). Автор же представленной диссертации впервые в таком масштабе испытывает эти наработки на объёме уже введённых в научный оборот текстов святителя. Новизна в том и состоит, что афансиевым текстам задаются новые для этих текстов вопросы. Что ещё становится основанием для уточнений и новых умозаключений исследователя? Во-первых, внимательное наблюдение за словоупотреблением святителя. Например, диссертант обращает внимание на факт употребления в последовательности прилагаемых к Церкви эпитетов (ἁγία καθολικὴ καὶ ἀποστολικὴ) нехарактерного для соответствующего ряда прилагательного συνοδική. Многократность такого специфичного словоупотребления становится основанием для гипотезы о программе и методах, которые патриарх считал единственно законными и действенными для решения проблемы арсенитской схизмы. Мир с арсенитами может быть достигнут только соборным решением (С. 289). Подтверждение этой гипотезы, родившейся на почве лексического анализа, диссертант достигает, анализируя содержание иных писем святителя. Таким образом лексический и контекстуальный анализ – вот, методологическая основа научной хватки автора представленной диссертации.

В заслугу диссертанту следует вменить и вполне качественную работу с оригинальными текстами византийских авторов. Обращу внимание на то обстоятельство, что диссертант не доверяется уже имеющимся переводам текстов Афанасиевой эпохи, но сверяет эти переводы с оригиналами. Приводя цитаты из текстов Афанасия или его современников, Михаил Андреевич неоднократно предлагает свой вариант перевода, хотя бы и незначительно отличающийся от переводов предшествующих исследователей. Я задался вопросом о том, какова необходимость такого акцентирования диссертантом собственных филологических штудий? И ряд сопоставлений уверил меня, что дело обстоит не только в необходимом недоверии к прежним переводчикам, и отнюдь не в желании манифестировать свою работу с оригинальными текстами, как это часто

бывает у молодых исследователей, но, в желании посредством своего, уточняющего перевода, акцентировать, то есть сделать более явными конкретные оттенки мысли в конкретном же контексте поставленной проблемы.

Результатом всей этой значительной работы с письменным наследием святителя и его современников становятся конкретные и вполне обоснованные умозаключения диссертанта об обстоятельствах эпохи, о времени и контексте составления свт. Афанасием своих текстов, о мировоззрении и осознанных мотивациях святого патриарха.

● Поводом к полемике является суждение автора о необходимости датировать защитительное письмо против арсенитов временем до отставки св. Афанасия, имевшей место в 1309 г. (С. 142). Это мнение идёт в разрез с весьма аргументированным суждением М. Патедакиса о составлении Послания в период после официального примирения Патриархии и последователей Арсения. С предположением Михаила Андреевича нельзя согласиться хотя бы потому, что сетования свт. Афанасия вполне вписываются в контекст примирительного соглашения, провозглашённого в 1310 году, пункты которого, со ссылкой на Никифора Григору, приводит диссертант на С. 282-283.

Например, и прежде всего, несостоятельным является аргумент диссертанта, связанный с поминовением прежде почившего патриарха Иосифа. В защитительном письме Афанасия имеется сетование на запрет «возносить память святейшего в патриархах и исповедника кир Иосифа». Михаил Андреевич полагает, что эти сетования были актуальны для Афанасия до его отставки, пока он ещё был действующим патриархом. А уже в 1310 г., после смещения с кафедры, поминовение Иосифа Афанасием не имело «экклесиологического значения» для смещённого Афанасия. Соответственно, полагает исследователь, здесь обретается аргумент в пользу составления святителем письма в период, предшествующий отставке.

Проблема диссертанта в том, что всю актуальность поминовения Иосифа он сводит именно к «экклесиологическому значению» патриаршего поминовения. В таком умозаключении обнаруживается логическая ошибка сведения целого лишь к его части (многоаспектной актуальности к экклесиологической значимости). Под многоаспектной актуальностью я разумею то обстоятельство, что значимость поминовения Иосифа состоит не только в том, чтобы возглашением его имени на патриаршей литургии манифестировать преемственность и самотождество Церкви сегодняшней ("Нифонтовой") по отношению к Церкви вчерашней ("Иосифовой"). Помимо этого, значимость поминовения Иосифа состоит в совокупности тех мотивов,

которыми движим всякий христианин и вся Церковь, молящаяся за усопших. Исключение же Иосифа из патриаршего диптиха, который возглашал Нифон, предполагало хотя бы логическую недопустимость или бесполезность его поминовения и прочими членами Церкви. Поэтому, был ли Афанасий патриархом действующим, или его уже сместили, всё равно, принять Афанасию это было невозможно.

Наконец о несомненной озадаченности уже смещённого св. Афанасия по поводу исключения из диптихов имени Иосифа свидетельствует Послание о двух отречениях, которое уж точно, было написано в 1310 г. (разбор и цитирование диссертантом этого послания см. на С. 290-291).

Итак, и логическая, и контекстуальная необоснованность аргументации диссертанта делает неубедительным его предположение относительно раннего (1307-1309 гг.) времени написания Защитительного слова.

● Иное мое замечание касается прямо-таки программного намерения диссертанта неизменно доверять суждениям и историческим оценкам, святителя Афанасия. Образ мысли Константинопольского патриарха представляется исследователю «максимально дистанцированным от личных пристрастий» (С. 8). А факт «божественного призвания свт. Афанасия к патриаршеству» является для диссертанта поводом заявить о том, что «прагматический или психологический подход к мотивам поступков святого неприменим» (С. 75). Итак, неужели суждения исторического персонажа, достигшего патриаршего статуса и провозглашённого святым, допустимо принимать в качестве объективной истины, априорного постулата, не вызывающего сомнения? Позволю себе не согласиться с такой программной установкой исследователя на идеализацию исторического персонажа. Полагаю, что в подобных суждениях моральный авторитет засвечивает объективную человеческую ограниченность, и за этим, в свою очередь, имеет место неприемлемое отождествление категорий святости и совершенства. Впрочем, соответствующее проблемное заявление Михаила Андреевича остаётся голословным и никак не искажает достаточную научно-критическую выдержанность дальнейшей его работы с текстами святого.

Итак, данная диссертация представляет собой актуальное по замыслу, достойное по исполнению, обоснованное по выводам научное исследование. Оно соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода квалификационным работам. Достоинствами обладают и те публикации диссертанта, которые появились в научных изданиях за годы проведения им соответствующего исследования и уже стали звеном в историографии, связанной с именем св. патриарха Афанасия Константинопольского. К констатации того факта, что данная работа представляет собой труд

состоявшегося учёного, я с отрадой добавлю и прочувствованную мною установку Михаила Андреевича на разумное и корректное сочетание научно-критического метода с благоговейным отношением к Церковной традиции. Итак, перед нами работа не только учёного, но, и богослова.

Кандидат богословия,
кандидат исторических наук,
преподаватель Царицынского
православного университета
преподобного Сергия Радонежского священник А.А. Пржегорлинский

07.02.2019г.

Контактная информация: 400012, г. Волгоград, ул Чапаева, 26. Царицынский православный университет преподобного Сергия Радонежского, богословский факультет. Тел. 8-917-722-08-64. E-mail: volgou@mail.ru

Подпись перед Александром Пржегорлинским заверяю

Ректор АОУ ВО "ЦПУ" иерей Владимир Арсеньев

Частное образовательное учреждение высшего образования "Царицынский православный университет преподобного Сергия Радонежского"